

**КУЛЬТУРНОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ**

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ

КЛАСТЕР

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-38

Оформление переплёта *Виктории Лебедевой*

Захаров, Дмитрий Сергеевич.

З-38 Кластер : роман / Дмитрий Захаров. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2020. — 347, [5] с. — (Актуальный роман).

ISBN 978-5-17-132740-8

Темнота холодна.

Темнота — самое древнее зло: сжимает, разрывает, ута-
скивает. Все это знают: и Лара, и Руся, и Серый Собак. Знает
это и маленький медведь Сёма.

Сколько он себя помнит, от протянутых лап темноты его
берегло только главное солнце — то, что воткнуто в самую
середину потолка. Вот только это солнце совсем скоро за-
кончится: осколки уже падали за Кукольным Домом.

Чёрное солнце — что может быть страшнее?

...разве только ловцы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-132740-8

© Захаров Д.С.
© ООО «Издательство АСТ»

*«То, что нас не убивает,
совершает большую ошибку»*

Надпись на стене

МЫШИНЫЙ ШАГ

Голову генеральному отрезали легко. Ирка аккуратно чиркнула лезвием, слегка надавила, и вот уже башка Петра Михайловича валяется на полу.

— А вы уверены, что новый ходит в белом? — засомневалась девочка-палач.

Андрей ещё раз смерил взглядом стэнд. Теперь в его левой части громоздилось безголовое чучело в костюме то ли жениха, то ли моряка в парадном. Андрей пожал плечами.

— А есть разница?

— Ну, не зна-а-ю, — капризно протянула Ирка, всем видом давая понять, что разница есть. — Он, может, и не такой совсем. И, может, не любит белый. Полно народу, кто не любит белый! Вот и на фотке он в свитере.

— В джемпере, — автоматически поправил Андрей. — Ира, клей голову и не отвлекайся, осталось меньше часа.

Он толкнул дверь и провалился в вавилон. Монтёры, облепившие стремянки, вешали на стены приветственную белиберду. Тут и там возникали уборщицы

с пылесосами и тряпками. Мимо носились толпы лакированных гейш, то и дело роняя стопки бумаг, поскользываясь на каблуках и что-то выкрикивая. Промелькнула тень начальницы орготдела с сахарницей в руках. Наконец, незнакомая леопардовая девица едва не засветила Андрею гигантским портретом по голове.

От греха подальше Андрей поспешно свернул к лифтам. Ему было нужно на девятнадцатый, но кабина шла только по чётным. Это значит — спрыгивать на этаж раньше, а дальше — через Финуправление. В обычной жизни к «финикам» никто сам не ходит, поскольку местные давно выработали видовой признак — смотреть на тебя как на говно. Но как раз сегодня здесь может быть весело. Сегодня ведь «в связи с утратой доверия» провожают Игоря Леонидовича.

Двери лифта со всхлипом разъехались, и оказалось, что весело — не то слово. Здесь не было беспорядочной беготни, заполошных криков и офисных орд. Здесь вообще, казалось, не было никого и ничего, кроме неспешных тихих людей в синей форме.

Синие проплывали сквозь разбитые стёкла секционных перегородок и распахнутые двери кабинетов с выломанными замками. Выносили пухлые пронумерованные папки и сваливали их прямо в коридорах. Хлопали дверцами шкафов и сейфов. Потрошили, пристально рассматривали и надписывали.

Пытаться проскочить через весь этот джаз не имело смысла. Андрей сразу свернул к «конкурсам и закупкам», надеясь, что их коридор пострадал меньше. Однако за первым же поворотом навстречу попались те же синие. Они «сопровождали» теперь уже бывшего начальника «фиников» Игоря Костылева. Выглядел гросс-бухгалтер отменно: рубашка разорвана,

мокрые волосы залепили лицо, пальцы оставляют на полу кровавые следы, из носа сочится красное. Один из синих то и дело подходил к Костылеву и пинал его под дых. Несильно так, с пониманием. Костыль в ответ булькал, задышался, но снова принимался ползти.

Андрей чуть притормозил, пытаясь напоследок запомнить лицо Игоря Леонидовича. Жаль, надолго останавливаться было нельзя, и он свернул в параллельный коридор. Омерзительный был тип. Сидит, бывало, и, глядя на тебя, нижнюю губу пощипывает. «А это всё блажь, — говорит добреньким голосом. — А обоснованиями вашими подотритесь. И тем мудакам, что вам их готовили, кусочек оторвите». Гондон.

На девятнадцатом мордатый охранник в усах, тот самый, что проверял Андрея перед прошлым совещанием, снова потребовал удостоверение.

— Вы что, меня не помните? — зачем-то спросил Андрей.

Охранник смерил посетителя скептическим взглядом и ничего не ответил. Удостоверение морда рассматривала долго: проверяла дату, подносила к свету фотографию, скребла по пластику ногтем. Хотелось съездить усатой скотине в глаз и потом добавить пару раз по зубам. Но вместо этого Андрей принялся разминать левой рукой пальцы правой, громко щёлкая костяшками. Это почти всех раздражает.

Наконец, охранник вернул удостоверение, чуть посторонился, и Андрей толкнул дверь и протиснулся в холл. Перед кабинетом шефа Департамента развития уже толпились кураторы направлений. Держали разговоры про предстоящий запуск, аккуратно

шутили про «новую метлу» и предусмотрительно помалкивали об истории с Костылевым.

Чтобы убить время, Андрей прошёлся вдоль алого золота здешних икон — портретной галереи, в которую прежний гендир обернул бóльшую часть приёмной. На самом верху, как и положено, громоздился Верховный. Его изобразили в любимом летном шлеме, на котором красовалась эмблема «Микрона»: медведь, разрывающий атомное ядро. От Верховного вниз пирамидкой генеалогического дерева разбежались профильные министры, советские атомные директора и, наконец, директора «Микрона» — уже в обновленном составе, с большеглазым и лысоватым новым — Петром Михайловичем.

Андрей тоже держал в кабинете похожий иконостас, только с любимцами юности Билли Корганом, Пи Джей Харви и Джошем Хомме. Посетители поглядывают на незнакомые лица, но ничего не говорят. Должно быть, думают, что это сенаторы кластера — их никто не помнит в лицо. Андрей и сам вряд ли бы смог опознать нынешний состав: уже много лет сенаторы — это какие-нибудь трижды заслуженные первоходцы, списанные со всех постов в виду невозможности доверить им отточенный карандаш. Так и не поверишь, что во времена прежней атомной конторы — Русмикро — в совете действительно что-то варилось. Вроде бы даже публично фехтовались с руководством кластера. С ума сойти, короче.

Планёрка началась вовремя, и это было дурным знаком. Обычно руководство даёт себе фору: чем больше, тем менее серьёзный разговор предстоит. И наоборот:

следование регламенту подтверждает, что лучше вжать головы поглубже, поскольку на ЭсЭс Рябова накатило.

Начдеп Сергей Сигизмундович — маленький сутулый человек, будто бы личинка своего огромного кресла, — пренебрёг предварительными ласками и сразу же объявил главную новость. Глядя прямо перед собой и постукивая по столу двумя пальцами, он сообщил, что президент кластера срочно выехал в Иран и прибыть на запуск не сможет. В связи с этим новый гендиректор «Микрона» принял решение отложить включение установки на неделю. Все сопутствующие мероприятия — тоже.

Это был даже не удар, а выстрел в голову. Андрей почувствовал, как задёргалось левое веко. Почему-то всегда левое. Он на секунду закрыл глаза, а когда открыл, перед взглядом поплыли мыльные пузыри.

Снова отложить производство первой партии было абсолютным, космическим провалом. Как с улюлюканьем сжечь ракету на стартовой площадке. Как под крики «ура» пустить на дно свою новейшую субмарину. «Микрон» будет во всех новостях недели две — без вариантов. А потом и за полгода не отмоешься, даже если широким гребнем цеплять эфиры, скупать полосы и посты.

«Иран, — попробовал прожевать это слово Андрей. — Какой, мать вашу, Иран! У них что там, совсем гуси улетели?! Какой может быть Иран вместо запуска?!» Он в подробностях представил вечерние новости, особенно на второй кнопке, которая сейчас под Росастро. А ещё раньше взвоят тг-каналы, заведя хоровод глумливого скотства. И потом ещё приглашённые. И смешки работяг. И концерт. Твою за ногу, ещё же концерт...

Андрей поднял руку, и Рябов тут же поймал его в прицел квадратных очочков. Чуть качнул подбородком, разрешая говорить.

— Я хотел бы обсудить, что делать с отменой концерта, — сказал Андрей неожиданно хрипло, — думаю, имеет смысл составить список ответственных за работу с техподдержкой, арт-менеджментом, приглашёнными...

— Ах да, — перебил его Рябов, — своевременное замечание. Как раз концерт отменять не будем, там были сложные договорённости. Только начнём его в свете последних событий на пару часов пораньше.

Ещё новости.

— Мы не успеем, — сказал на это Андрей.

— Что значит «не успеем»? — притворно удивился Рябов. — Вы, Андрей Сергеевич, не можете не успеть. Участок работы не позволяет.

— Сергей Сигизмундович, мы же сейчас о внешних говорим. Они нашим распоряжениям не подчиняются. Я никак не успею организовать аккредитацию и пропустить журналистов через безопасность.

Некоторое время молчали. Рябов снял очки и задумчиво тёр их дужку пальцами. Остальные уставились в ежедневники.

— Ни у кого нет идей? — наконец, поинтересовался начдеп. — Скверно. У нас последнее время за что нихватишься — нет идей. Рекомендую поразмыслить, насколько это может быть чревато. Можете поинтересоваться в финуправлении, кстати.

Он перевел взгляд на Андрея.

— Тогда так: прессу, раз с ней столько мороки, совсем убираем, и занимаемся мероприятием как сугубо корпоративным. Серьёзным корпоративным мероприятием.

— Какой будет публичная версия? — спросил Андрей.

— Версия? — снова изобразил удивление Рябов. — Да не нужно никакой версии. У нас иранская программа с участием премьер-министра проходит.

Андрей выскочил из кабинета и прыгнул в лифт. Размахивая удостоверением, заставил пустить его до своего седьмого без остановок. А оказавшись снаружи, сразу же набрал Ирку — старшую за концерт и музыкальную тусовку. От новых перспектив та ожидаемо впала в истерику.

— Пусть теперь сами рулят! — всхлипнула она и бросила трубку.

Андрей выждал полторы минуты и перезвонил снова. Ирка всё ещё злобно огрызалась, но сказала, что уже связывается с участниками. И вообще, не беспокойтесь, начальник, катитесь колбаской.

Андрей удовлетворенно хмыкнул.

— Ира, кто сегодня выступает, напомни ещё раз.

— Хотели, чтобы для разогрева «Бегония» вышла, ретро-диско. Но раз со временем всё меняется, будет сразу Алиса Сикорская. Под занавес — программа для ветеранов корпорации — «Золотые планки».

— Ага, — сказал Андрей. — Нормально. Сикорская... Я же, правда, откуда-то знаю эту фамилию?

— Ну-у, — протянула Ирка, — вряд ли. Лет пять назад были такие «Любовники Марии Стюарт». Она там пела. Но ты же такое, поди, не слушаешь?

— Значит, показалось, — согласился Андрей. — Ладно, Ира, побежали.

Оказавшись внутри концертного зала, он не без труда протолкался вперёд. Выяснив у Ирки, что в целом всё в норме — опоздание будет незначительное, пе-

ребрался в свой «сектор обстрела» — зону на стыке танцпола и отгороженной техплощадки, откуда проглядывались одинаково хорошо как лаунж руководства, так и пространство перед сценой.

Начали хоть и по графику, но будто бы для отвода глаз: после того, как погас свет, а зал рассекли зелёные и красные лучи прожекторов, минут двадцать ничего не происходило. В первых рядах шептались о годовой премии, тайком курили вэйпы и неловко обнимались. Динамики расслабленно бубнили скучное ретро-попурри. Оставался буквально один шаг до того, как проявится дядя, который закажет для Толянчика «Шансонъетку».

При этом вокруг сцены потихоньку начали вырастать из пола ребята с витыми проводами от уха. На некоторых были злодейские чёрные очки, но Андрея куда больше смутили открыто поднятые к плечу ладные uzi. На массовых мероприятиях «Микрона» вооружённая охрана появлялась и раньше, но чтобы взвод автоматчиков, напоказ...

Мудаки, думал Андрей, со злостью рассматривая ближайшего терминатора, зарницу что ли решили на отменённом мероприятии разыграть? Засветиться перед новым главным? Да что они, суки, творят?!

И тут ударил барабан. Андрей вздрогнул и инстинктивно повернулся к звуку — на сцене по-прежнему была темень, и от этого казалось, что он идёт откуда-то ещё. Барабан продолжал колотить мерно, на одной ноте, к нему добавились клавиши, выводящие меланхоличную, прозрачную линию. А следом, будто бы вдалеке, заскрежетала виолончель.

Сикорская выскользнула из-под ограждения справа от сцены — и сразу же была поймана прожектора-

ми. В перекрещивающихся кругах света оказалась высокая рыжая девица в зелёном платье-балахоне с серебрястыми наплечниками. Она стояла, приложив руки ко лбу, будто проверяя, не поднялась ли у неё внезапно температура. Затем Алиса заулыбалась и, резко вскинув правую руку, помахала танц-полу.

— Доброго! — крикнула она. — Здравствуйте!

Народ засвистел в ответ. На сцену полетели заготовленные общественной приёмной цветы — в сопроводительной записке говорилось, что звезда любит жёлтые розы.

— «Холодные!» — объявила Алиса.

Барабан и подключившийся бас добавили темп. Клавиши затихли, а всё отвоёванное ими пространство вдруг занял голос: высокий, ломкий и усталый.

— Мерцай-мерцай, звёздочка, — закрыв глаза, запела Алиса, и как-то сразу стало понятно, что это последняя песня. Самая окончательная. После которой уже ничего не может быть. Да и не очень нужно. Слова падали откуда-то сверху ледяными осколками, пока почти не кончились. Тогда Алисин голос вдруг остался на периферии, превратившись в далёкий детский плач, а сама Сикорская опустила на сцену и, скрестив ноги, чуть покачиваясь, нараспев выпевала одну и ту же строчку:

— ...спи-и-и, пок-а-а снег идё-ёт...

Барабана больше не было, а гитара вошла в бесконечный цикл, нанизывая петли. Тихо-тихо Сикорская повторяла свою выпавшую из стиха фразу. И с каждым произнесением музыка будто становилась отчаяннее, темнее и горше. Андрей почувствовал, что его бьёт электричеством, и тоже закрыл глаза.